

Экран телефона погас. Не прошло и десяти секунд, как пришло сообщение. Линь Мао открыл смс и увидел название отеля и номер комнаты. Лицо его осталось бесстрастным, лишь угольно-черные глаза чуть дрогнули.

В этот день у него не было тяжелых пациентов, требующих присмотра, и около семи часов вечера Линь Мао вышел из больницы. Поискав в интернете через телефон адрес отеля, он поймал такси и попросил водителя отвезти его туда.

Когда он приехал, до назначенного времени было еще далеко. Оглядевшись по сторонам, Линь Мао заметил в каком-то переулке лапшичную. Перейдя через дорогу, он заказал порцию лапши с ребрышками — это было единственное блюдо, есть которое он неизменно продолжал в реальном мире. Попав в мир романа, он не изменил этой привычке.

Вкус сильно отличался от реального мира, еда казалась почти безвкусной, но он все равно съел всю лапшу до конца, выпив даже бульон до последней капли.

Хоть что-то должно было существовать, чтобы постоянно напоминать ему: здесь все ненастоящее, и даже эта его оболочка — фальшивка.

Линь Мао стоял у двери комнаты 704. Он поднял руку, собираясь постучать, но замер на несколько секунд, опустил руку, снова поднял и снова опустил.

На сердце у него было тревожно, не покидало наваждение: стоит переступить этот порог — и его тихая, размеренная жизнь разрушится раз и навсегда.

Но он был человеком слова. Раз уж он пообещал И Цзяшэну помочь, отступать назад было нельзя.

Глубоко вздохнув, Линь Мао мысленно подбодрил себя: ничего страшного, всего пара слов. Если Хань Сяо все еще помнит его услугу и кивнет в знак согласия, он будет бесконечно благодарен. Если же тот откажется — он тут же уйдет. Продаст ли он квартиру, залезет ли в долги под огромные проценты, неважно, он придумает какой-нибудь другой способ помочь И Цзяшэну.

Решившись на это, Линь Мао постучал в дверь.

Щелк! Изнутри донесся звук открывающегося замка. Тело Линь Мао в тот же миг вытянулось в струнку, он не отрывая глаз смотрел, как медленно приоткрывается дверь.

В следующее мгновение его дыхание сбилось.

Перед ним стоял высокий мужчина с обнаженным торсом, чью талию прикрывало лишь белое банное полотенце.

У мужчины было лицо, которое запросто могло украсить обложку любого журнала: мужественное и красивое. Черты его лица отличались резкой, высеченной резцом идеальной строгостью, кожа имела невероятно здоровый средиземноморский загар. На груди рельефом выделялись мощные грудные мышцы, кубики пресса отчетливо делились на восемь частей, а две линии аполлона уходили вниз, скрываясь под полотенцем. Мускулы на руках тоже рельефно выступали, но выглядели естественнее и эстетичнее, чем у завсегдатаев тренажерных залов.

Линь Мао от природы был геем, причем пассивным. Столкнувшись с таким мощным визуальным искушением, он на секунду даже лишился дара речи — впрочем, смотрел он на это исключительно с эстетической точки зрения. Однако в глазах самого мужчины всё выглядело совсем иначе.

— Проходите! — уголки губ мужчины изогнулись в заинтересованной улыбке. Его взгляд скользнул по обтянутым брюками прямым ногам Линь Мао, быстро взметнулся к самой верхней пуговице на воротнике и вернулся к его утонченному, мягкому лицу.

Линь Мао крепко сжал руки, висевшие вдоль туловища. Кивнув в знак приветствия, он прошмыгнул мимо руки Хань Сяо в комнату. Стоявший за его спиной мужчина небрежно прикрыл дверь и повернул замок.

По мнению Линь Мао, раз И Цзяшэн отправил его сюда к Хань Сяо, значит, о цели визита уже было заранее сказано, так что ему не стоило тратить время на любезности — лучше сразу перейти к делу.

— Господин Хань, у меня есть друг, который работает в вашей компании. Сейчас он хочет расторгнуть контракт с вашей фирмой, и я надеюсь, вы на это согласитесь.

— ...И Цзяшэн? — Хань Сяо неспешно дошел до одиночного дивана в комнате и опустился на него.

Следя за его движениями, Линь Мао повернулся вполоборота и в упор уставился на бездонные черные глаза Хань Сяо.

— Да, он самый, — голос Линь Мао звучал открыто и звонко. Он попытался прочитать по лицу Хань Сяо хоть какие-то эмоции, но потерпел неудачу: этого человека было не раскусить.

— Припоминаю. Расторгнуть контракт... Он проработал у меня и года не прошло, а компания вложила в его обучение немало сил и средств, сумма вышла немалая, — Хань Сяо улыбнулся, и в этой улыбке отчетливо сквозило игривое любопытство.

Длинные ресницы Линь Мао затрепетали, голос стал жестче:

— Насколько упоминал мой друг, вы давали ему роли лишь массовки. Думаю, если бы вы, как утверждаете, потратили огромные деньги на его продвижение, то не стали бы заставлять его играть сплошных второстепенных персонажей, которые не приносят дохода. К тому же я в свое время можно сказать спас господину Ханю жизнь. Ради этого одолжения, прошу вас, господин Хань, дайте добро на расторжение контракта моего друга. Лицо Хань Сяо мгновенно помрачнело, он резким движением поднялся с кресла. Его рост почти метр девяносто полностью распрямился, а сухие, мощные мышцы едва заметно перекатывались под кожей, источая первобытную силу, струящуюся в каждом уголке его тела. Даже не совершая никаких действий, он просто возвышался там, и одно лишь его давящее присутствие заставляло сердце Линь Мао трепетать. Что уж говорить о том, что на нем было надето лишь банное полотенце на бедрах. Если бы на нем был привычный деловой костюм, Линь Мао не испытал бы такого ошеломляющего трепета. Под пристальным, подобным лучам поискового прожектора взглядом темных, нечитаемых глаз мужчины создавалось ощущение, будто это сам Линь Мао стоял здесь совершенно голым.

Линь Мао, Линь Мао ведь так? — губы Хань Сяо слегка шевельнулись, он словно смаковал имя юноши, а затем с легкой насмешкой произнес: — Еще тогда в больнице я уже задавал тебе этот вопрос: не говоря о пяти миллионах, я бы без раздумий отдал и пятьдесят...

Линь Мао слегка обрадовался, наивно полагая, что Хань Сяо таким образом согласился, однако следующие слова мужчины заставили его от удивления широко раскрыть глаза.

Но ты прямо отказался. У меня, Хань Сяо, правило таковое: если было один раз, то второй не повторяется. Раз ты сам отказался, второго шанса я тебе не дам. — Хань Сяо произнес эти ледяные слова, наслаждаясь каждой эмоцией на лице Линь Мао. Да, именно так: такой Линь Мао был по-настоящему интересен и куда более притягателен.

Еще там, в больнице, у него возникли мысли овладеть Линь Мао. Видя, как тот постоянно застегнуть на все пуговицы и закутан с ног до головы, он безумно хотел сорвать с него эту одежду, а затем прижать к постели, беззастенчиво входя и выходя, терзая и унижая, пока тот изнутри и снаружи не пропитается его собственным запахом, пока из его рта не начнут срываться одни лишь стоны. А эти его белые, точеные пальцы — держать ими скальпель было страшнейшим расточительством, им место лишь в том, чтобы судорожно сминать простыни или впиваться в его спину. Однако, помня о том, что Линь Мао спас ему жизнь и формально являлся его спасителем, как бы сильно ни пылало его внутреннее желание, он изо всех сил сдерживался. Но теперь сама судьба преподнесла ему этот шанс на блюде, и он, разумеется, намерен использовать его по полной.

Сердце Линь Мао рухнуло на дно пропасти. Хотя он и предвидел подобный исход, услышав это прямо от Хань Сяо, он всё равно не мог избавиться от пылающего стыда. Попытка извлечь выгоду из благодарности за спасение оказалась в корне неверной затеей, но в то же время он почувствовал некоторое облегчение: если бы он действительно открыл этот ящик Пандоры, то, пожалуй, в дальнейшем потерял бы всякий сон, а угрызения моральной совести в любой момент терзали бы его душу.

Линь Мао закусил губу, и от последовавшего облегчения его голос прозвучал чисто и звонко:

Раз уж мистер Хань не желает протянуть руку помощи, я не стану настаивать. В любом случае, благодарю, что уделили время в своем плотном графике, чтобы встретиться со мной. Отдыхайте, тогда я не стану вас больше беспокоить.

Его слова прозвучали крайне вежливо и протокольно, на что сидевший напротив Хань Сяо

ответил лишь полуулыбкой.

Воздух в комнате был тяжелым, а мужские феромоны Хань Сяо излучались бессознательно, хотя, возможно, делалось это и намеренно. Линь Мао испытывал от этого определенное отвращение: он всегда отличался строгим нравом и чистоплотностью. Хоть он и принадлежал к меньшинствам, но еще ни с кем не делил постель — в его сердце жил недостижимый идеал, чистый белый лунный свет, и он не желал марать ни себя, ни свою светлую память.

Повернувшись, Линь Мао подошел к двери, взялся за ручку и потянул на себя, но дверь не сдвинулась ни на миллиметр. Он попробовал снова — по-прежнему никакой реакции.

Иногда двери требуют ключ для открытия как изнутри, так и снаружи. Линь Мао повернул голову, собираясь попросить Хань Сяо дать ключ, но едва он повернулся, как прямо перед его лицом внезапно возникло резко увеличившееся лицо мужчины. Линь Мао испуганно отшатнулся, его дыхание участилось.

Они стояли очень близко, и исходящий от мужчины жар ощущался сквозь разделявший их воздух, отчего мочки ушей Линь Мао окрасились алым.

Разве я тебе не говорил, что, войдя в мою комнату, уйти так просто уже не получится? — насмешливо произнес Хань Сяо.

Между бровей Линь Мао залегла складка. Не позволяя себе выказать страх, он глухим голосом спросил:

Что это значит?

И Цзяшэн еще два дня назад разорвал контракт с компанией. Как думаешь, почему он скрыл это от тебя и отправил к мне?

Почему? — Линь Мао широко распахнул глаза в недоумении. Он не поверил этому с ходу, решив, что Хань Сяо просто шутит. Как такое возможно? Будь у И Цзяшэна пять миллионов, он бы не стал обращаться к нему. Линь Мао отказывался в это верить.

Все мысли юноши отчетливо отражались на его лице. Хань Сяо одной рукой уперся в дверное полотно, а другой протянул руку, чтобы коснуться столь желанных нежных щек. Заметив его намерения, юноша отвернулся, но в следующее мгновение Хань Сяо уже перехватил его за подбородок.

Тебя продали. И Цзяшэн неведомо откуда прознал о моих видах на тебя, а потому использовал тебя как разменную монету в обмен на расторжение своего контракта с агентством. Он прислал тебя сюда сегодня именно для того, чтобы ты дал мне себя отыметь. — Большим пальцем Хань Сяо с силой надавил на мягкие губы Линь Мао, и уже через мгновение нежная плоть под его пальцами покраснела так, будто из нее вот-вот брызнет кровь. В глубинах глаз Хань Сяо мерцал мрачный блеск, словно он забавлялся с пойманной в когти добычей.

Линь Мао оттолкнул руку Хань Сяо, но мужчина тут же перехватил его запястье и вскинул руки над головой юноши. В глазах Линь Мао вспыхнул огонь ярости.

Убирайся! Цзяшэн не мог меня обмануть, и ты не пытайся посеять между нами рознь. — Он все еще отказывался признавать горькую правду, отчаянно пытаясь игнорировать собственное беспомощное положение.

Хань Сяо сильнее сжал руку, заставляя Линь Мао поморщиться от боли, а затем внезапно отпустил его запястья. Сделав два шага назад, он холодно усмехнулся:

Позвони И Цзяшэну и проверь сам, лгу я или врет он. Руки Линь Мао мелко дрожали. Он сунул руку в карман брюк, достал телефон и набрал номер И Цзяшэна. Очень скоро оттуда донесся бесстрастный механический женский голос: абонент выключен, пожалуйста, перезвоните позже.

Линь Мао не хотел верить. Он набрал снова — результат тот же. Сбросив вызов, он продолжил перезванивать. После десятков таких попыток Линь Мао наконец обессиленно опустил руку, вынужденный признать суровую реальность: И Цзяшэн действительно обманул его.

Когда он повернулся и встретился взглядом с насмешливыми глазами Хань Сяо, которые оставались такими с самого начала, его собственный взгляд тоже похолодал. И Цзяшэн предал и обманул его, попросту продав — неужели он теперь покорно сложит руки и позволит Хань Сяо играть с собой по собственной воле? Как такое возможно?

Взгляд Линь Мао быстро метнулся по комнате, и, заметив приоткрытую дверь ванной, он сузил зрачки.

Видя, что Линь Мао молчит, а на его лице отчетливо читаются боль и отчаяние, Хань Сяо решил, что тот потрясен предательством друга. Широким шагом он направился к Линь Мао, но стоило ему протянуть руку, чтобы схватить того за плечо, как Линь Мао внезапно оттолкнул его. Застигнутый врасплох Хань Сяо качнулся назад, сделав два шага. Ухватившись за этот с трудом добытый шанс, Линь Мао со всех ног бросился к ванной, проскользнул внутрь и захлопнул дверь, тут же защелкнув замок — все движение слилось в одно мгновение. Убедившись, что дверь заперта надежно, он прижался спиной к влажной стене и тяжело задышал.

Дело было вовсе не в том, что ему не было страшно или жутко — просто он еще не хотел, чтобы с ним произошло столь ужасное.

Линь Мао схватил телефон и набрал номер экстренных служб. Тягаться с Хань Сяо в грубой силе он заведомо не мог. Перебрав в уме всех своих знакомых, он понял, что друзей у него почти нет: из-за своей ориентации он всегда держал окружающих на определенной дистанции.

Вызов прошел, и на том конце спросили, что произошло.

— Я... кто-то хочет... кто-то хочет меня убить, — Линь Мао, разумеется, не мог заявить, что кто-то пытается изнасиловать его. Он и сам находил это нелепым, не говоря уже о полиции. У него уточнили точный адрес, и Линь Мао назвал номер гостиничного номера.

Экран телефона погас. Сердце Линь Мао бешено колотилось, отдаваясь где-то в самом горле.

Из-за того, что он все это время звонил, он не замечал происходящего, но теперь Линь Мао отчетливо услышал, как кто-то поворачивает замок с внешней стороны.

У двери в туалет тоже есть ключ? По крайней мере, насколько знал Линь Мао, в гостиничных уборных обычно не бывает замков с ключами. Сердце взлетело под самые гланды, он напрягся всем телом, в упор глядя на дверной замок.

Щелк! Дверь распахнулась внутрь. Мужчина, державшийся за ручку, уже переоделся в строгий темный костюм. Его высокомерный и хищный взгляд прошелся по Линь Мао с головы до ног, отчего у Линь Мао затылок покрылся мурашками, а рука судорожно зашарила за спиной. Ты вызвал полицию? Но полиция не поможет, потому что... — Хань Сяо внезапно рванулся вперед и в мгновение ока оказался перед Линь Мао. Линь Мао даже не успел отреагировать, как получил тяжелый удар в живот.

Ах! — Линь Мао издал жалкий крик, схватился за живот и завалился набок. Хань Сяо, стоявший у него в ногах, схватил его за шею и приподнял.

...Потому что я никогда не занимаюсь любовью с людьми на стороне.

Воздуха становилось всё меньше, Линь Мао почти задыхался. Он изо всех сил пытался разжать пальцы Хань Сяо, беспорядочно отмахиваясь ногами, но постепенно силы оставили его, в глазах потемнело и закружилось перед самым закрытием век он успел увидеть жуткое, злобное лицо Хань Сяо.

Юноша лежал у него на руках без сознания, на его белой шее остались багрово-синие следы от пальцев — одновременно хрупкие и источающие отчаянную, порочную красоту.

Так и хотелось покрыть всё его тело такими же следами. Хань Сяо наклонился, просунул руки под колени юноши, подхватил его на руки и вышел из комнаты, миновал холл отеля и сел в ждавшую у входа машину.

Это был долгожданный, страстно желаемый грандиозный пир. Его не стоило вкушать в таком грубом месте, как отель, нужно было вернуться в собственные владения, чтобы медленно, кусочек за кусочком, ссмаковать и прожевать, не спеша проглотить — только так можно было оправдать все труды и хитроумную ловушку, расставленную, чтобы поймать зверя.

Казалось, он находился в воде, и чьи-то руки водили вверх-вниз по его телу, обмывая его. Линь Мао медленно приоткрыл глаза и первым делом огляделся. Он оказался в роскошной ванной комнате — огромной, площадью не меньше шестидесяти квадратных метров, совсем не похожей на ту, что была в отеле. Переведя взгляд вниз, на себя, он обнаружил, что совершенно гол, а нижняя половина его тела погружена в воду. Рядом женщина средних лет лет сорока-пятидесяти тщательно мыла каждый дюйм его тела: от макушки до пят, грудь, живот, пальцы рук, стопы и, конечно же, не обделила вниманием интимные места.

Чужие женские руки скользили по его коже. Линь Мао не мог точно описать свои чувства внутри, но радости там точно не было. Он попытался поднять руку — она казалась невероятно тяжёлой, максимум удавалось сдвинуть её на пару сантиметров.

Это чтобы он не попытался сбежать, поэтому ему вкололи миорелаксанты. Изящное и холодное лицо Линь Мао напряглось, он позволил женщине делать с ним всё, что вздумается, а затем перевёл взгляд в верхний левый угол.

Прогресс!

— Общий прогресс — 8%, прогресс подсюжета — 20%.

У Хань Сяо серьёзная мания чистоты?

— Да уж, презренная подстилка!

Об этом ты мне не говорил.— В подробном сюжетном плане об этом ничего не было, я и сам не знаю!

На правом форзаце Сяо Хуан Шу появился плачущий текстовый смайлик: оно правда не виновато, ведь оно само знает лишь в общих чертах, а Законы мира в процессе развития сюжета дорабатывают характер, мысли и личность персонажей.

— Неужели прошлые исполнители ролей тоже ничего тебе не рассказывали?

— Ничего!

Даже если бы и рассказали, всё равно не могли бы поделиться. Если проболтаться, Законы мира сочтут это вызовом своему авторитету. Если они окажутся в дурном настроении и создадут какие-нибудь препятствия, из-за которых преданный пассив погибнет до завершения сюжета, им придётся начинать всё сначала. Любое ненамеренное разрушение сюжета позволяет откатиться к узловой точке.

— Точно ничего, или притворяешься?

— Точно ничего, клянусь!

— Сначала отрасти себе руку!

— У-у-у, ты издеваешься надо мной!

Сяо Хуан Шу запрыгало вверх-вниз, выражая серьёзный протест против словесных нападок Линь Мао. Линь Мао слегка прикрыл глаза, и на его загнутых ресницах заблестели несколько капель воды, переливаясь под светом разноцветными отблесками.

Женщина, приводившая тело Линь Мао в порядок, остановила работу. Она окислила взглядом всё обнажённое тело Линь Мао, а ее слегка желтоватое лицо оставалось бесстрастным, почти не выражая никаких эмоций.

Своей довольно крепкой рукой она ухватила Линь Мао за стройную талию и приподняла. Линь Мао был совершенно обмякшим, и даже если он сопротивлялся, это походило лишь на царапанье кошачьими лапками и не производило никакого эффекта. Женщина вытащила Линь Мао из ванны, усадила перед раковиной, одной рукой надавила ему на поясницу, а другой схватила тонкий шланг и вонзила его Линь Мао в задний проход.

Мх! — сдавленно застонал Линь Мао. Шланг был очень тонким, с палец толщиной, войти внутрь было не слишком сложно, но ощущение инородного тела заставило Линь Мао дернуться.

Женщина сильно надавила, и приподнявшаяся талия Линь Мао снова опустилась на холодную кафельную плитку.

Теплая вода по шлангу полилась внутрь кишок, и постепенно живот Линь Мао начал раздуваться. Выражение его лица исказилось от боли, а руки, упиравшиеся перед собой, в беспорядке забили по зеркалу, пытаясь хоть как-то унять это распирающее чувство.

Шланг убрали, и не успел Линь Мао перевести дыхание, как сзади в него затолкнули какой-то твердый предмет.

Теплая вода застоялась в его кишечнике, и Линь Мао, не вытерпев, рухнул всем корпусом вперед.

Все ощущения сосредоточились внизу живота, а тянущая боль расползлась по каждому нервному окончанию, по каждой клетке кожи. Он закусил губу, не позволяя себе издать стон боли. Прошло неизвестно сколько времени. Ему казалось, что если это продолжится ещё немного, он снова потеряет сознание, но наконец предмет, засунутый в его задний проход, был извлечен наружу. Тело больше не подчинялось его воле и рефлекторно вытолкнуло наружу воду, залитую в кишечник.

Линь Мао уперся лбом в тыльную сторону ладони и тяжело, непрерывно дыша.

Он думал, что на этом всё закончится, но на деле шланг вошел в его тело снова.

Это повторялось трижды. Измученный Линь Мао потратил последние крупницы сил и безвольно осел у края рамы умывальника. Женщина взяла душевую лейку и теплой водой смыла грязь с его нижней части тела и ног.

Когда с этим было покончено, женщина взяла с железной полки длинное банное полотенце, тщательно вытерла всю воду с тела Линь Мао, взвалила его к себе на плечо и вынесла из ванной в спальню. В спальне стояла огромная черная кровать размера кинг-сайз. Линь Мао опустили на нее, но укрывать одеялом женщина не стала, оставив лежать голым, после чего быстро развернулась и вышла из комнаты.

Линь Мао повернул голову и посмотрел в окно: небо едва заметно потемнело, должно быть, приближался вечер. Вечер второго дня.

Раньше в других мирах он уже сталкивался с подобными ситуациями, но большинство, да почти все подонки-агрессоры просто стягивали штаны и лезли напролом, и редко кто подходил к делу столь тщательно. Одна из привилегий, которыми обладали актеры — за несколько секунд до насильственного посягательства они могли извлечь свою душу и оставаться вне тела, пока все не закончится. Это было создано главным образом для защиты актеров, ведь далеко не каждый способен вынести изнасилование со стороны NPC. Однако здесь существовало одно непереносимое условие: это должно было происходить за несколько секунд до начала реального полового акта. Если же сам акт не происходил, то в течение этого времени они не имели права покидать захваченную плоть, иначе их жгло суровое наказание, ценой которого становилась целостность души.

Процедура клизмы — возможно, актеры с нетрадиционной ориентацией переносили ее проще, но для натуралистов подобное, пожалуй, становилось тяжелейшим психологическим ударом.

Линь Мао вспомнил слова Сяо Хуан Шу о том, что этот мир отличается высокой сложностью, и предположил, что дело отчасти в этом, хотя вряд ли этим все и ограничивалось. Столь мелкие преграды вряд ли могли заставить множество актеров опустить руки.

Это настоящий вызов! В душе Линь Мао всколыхнулось возбуждение. Тот мир, который он только что покинул, оказался донельзя простым и до боли заурядным. Оставалось лишь надеяться, что этот мир не разочарует его вновь.

Хань Сяо вернулся уже в полной темноте. Толкнув дверь спальни, он щелкнул выключателем, и мягкий оранжевый свет мгновенно залил каждый уголок комнаты.

<http://bllate.org/book/22143/2307057>